

К 200-летию Харьковского университета
Серия воспоминаний о Детях физмата

Выпуск 4-й

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ СТАРОГО ФИЗМАТА

СБОРНИК РАССКАЗОВ

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Харьков 2002

К 200-летию Харьковского университета
Серия воспоминаний о Детях физмата

Выпуск 4-й

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ СТАРОГО ФИЗМАТА

V

Харьков 2002

Легенды и были старого физмата. Сборник рассказов. Ч.V. Серия воспоминаний о Детях физмата. Вып. 4 / Бляшенко Г.С., Валиев Б.М., Гребенник И.П., Мерисов Б.А., Сизова З.И., Ульянов В.В. – Харьков: ХНУ, 2002. – 20 с.

Книжечка продолжает серию неформальных воспоминаний о Детях физмата, приуроченную к 200-летию Харьковского университета.

Это уже пятый сборник коротких историй, которые авторы сочли достаточно интересными и способными послужить еще одной заправкой для дальнейших выпусков с участием других свидетелей былой увлекательной жизни легендарного старого физмата и его питомцев.

Издается по решению кафедры теоретической физики
от 12 октября 2001 года

© Харьковский национальный
университет, 2002

П Р Е Д И С Л О В И Е

Данным пятым, полубиблиейным выпуском Легенд завершаются *104 страницы про любовь* к Старому Физмату и его Детям.

В книжечке к сложившимся рубрикам "Сессионные приключения", "Матримониальные истории", "30 случаев с майором Паракой", "К портретам деканов физмата", "Физматовцы на отдыхе", "Дипломники", "Вокруг Бориса Яковлевича" и основанным на откликах читателей "Дополнениям и уточнениям" добавились "Среди аспирантов" и "О лекторах и лекциях". Появились и стихотворные произведения, весьма популярные в былые годы.

Пришли очередные отзывы и замечания от проницательных читателей.

Количество авторов уже достигло семнадцати. Краткие сведения о них помещены в конце сборника.

Следует отметить, что рассказы приводятся часто на основе устных сообщений, записанных на диктофон, и отчасти сохраняют повествовательные особенности авторов (к сожалению, нельзя передать специфику мимики, жестов, интонации), не подвергаясь существенной редактуре.

Приходится снова напоминать, что в данном сборнике помещаются не только документальные были, но и обросшие вымыслами легенды.

Еще и еще раз выражаем признательность всем, кто откликнулся и внес вклад в эти сборники.

Приглашаем новых авторов к созданию письменного памятника славному старому физмату.

Ждем замечаний, уточнений и предложений, которые будут приняты с благодарностью.

В.В.Ульянов

Б.М.Валиев

Из цикла "Сессионные приключения"

Финт

Идет последний семинар по истории КПСС в моей 13-й группе. Преподаватель – кандидат исторических наук А.И.К. – проверяет, как тогда было принято (1975 год), конспекты первоисточников марксизма-ленинизма. Если первоисточника нет, то студент не допускается к зачету, экзамену и т. д.

Поставив несколько автоматов, А.И. стал проверять конспекты у остальной части группы. Вызывает студента П.В., который, мягко говоря, редко посещал семинарские занятия по истории КПСС.

П. лихорадочно обращается к сидящим рядом одногруппникам, испрашивая конспект. Надо было видеть его лицо в этот момент! Хотя известно, что оно выражает отчаяние, однако он смело подходит к А.И., подает ему чужой конспект.

А.И. рассматривает этот конспект. Чем дальше он листает, тем грустнее становится его лицо. А.И. спрашивает:

– П., чей это конспект?

П. браво отвечает:

– Мой конспект.

– А кто это писал?

– Я писал.

– П., но ведь это же не Ваш почерк!

П. спокойно отвечает:

– Да, это писал я, но не своей рукой.

Группа рухнула на парты от смеха, схватившись за животы. Проходит некоторое время. П. идет к своей парте, и мы с удивлением узнаем, что он тоже получил зачет.

Б.М.Валиев

Шаман

1982 год. Весна. Пятница. Очередной факультетский Ученый совет. Около 15.00 собираются члены Совета. Первым пришел Владимир Игнатьевич Хоткевич и сел возле телефона у окна, спиной к Академии им. Говорова. Закурил, как обычно, свои любимые папиросы, по-моему, "Казбек". Через некоторое время подошел Игорь Николаевич Шкляревский. Оба - профессора, заведующие кафедрами.

Заходит молодой, подающий надежды кандидат наук, читающий курс общей физики. Он стал делиться впечатлениями о демонстрации, которую недавно обнаружил или сделал сам. Она состояла в следующем. На крепкой веревке длиной метр-полтора была привязана эластичная металлическая линейка, "отсвечивающая селечным серебром" (по Ильфу и Петрову). Вращая ее, он создавал специфические аэродинамические звуки, гудящие и нарастающие по высоте. Эта демонстрация получила название "шаман".

Хотя расстояние между демонстратором и заведующими было достаточно большим, линейка, или сабля, как я бы ее назвал, очень близко пролетала перед лицом то одного, то другого профессора. Испуга на их лицах я не заметил, но то, что им становилось неуютно, было несомненно. Они в такт движению отклоняли свои лица подальше от просвечивающей перед ними линейки, отодвигали свои головы, как только могли, будучи, как говорится, прижаты к стенке.

Потом, когда демонстрация была закончена, наши уважаемые профессора немножечко побледнели, я бы так сказал, однако они ни словом не обмолвились, что нельзя так показывать, а выразили, как положено воспитанным людям, восхищение экспериментом.

И.П.Гребенник

Спорт на физмате

Самым "спортивным" в Университете был, конечно, геолого-географический факультет. Но и на физико-математическом факультете спорту уделялось большое внимание. При этом основная работа проводилась не на спортивных "парах", а в различных секциях. Несмотря на скудный спортивный инвентарь, работали секции волейбола, баскетбола, гребли, плавания, легкой атлетики (возможно, и другие).

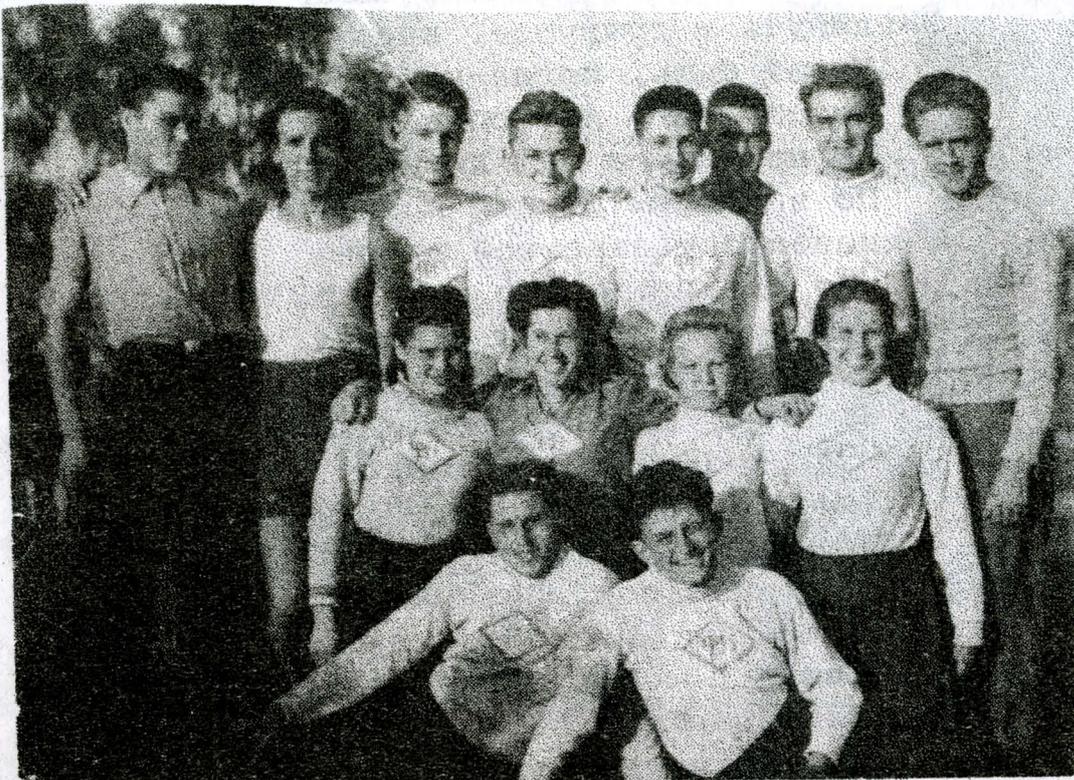
На каждом курсе были спортсмены, показывающие высокие результаты. Между факультетами устраивались соревнования по разным видам спорта. Они собирали многочисленных болельщиков, которые "болели" за свои команды. Как-то получилось, что команда физмата по баскетболу составила, в основном, из студентов нашего курса (поступивших в ХГУ в 1947 году). Это - Благой, Каширин, Мадикян, Гришаев, Шендерович, Розенблит и др.

Главное в соревнованиях было не только хорошо выступить, но и победить геологов. Большую роль здесь играла не только игра, но и политика - против кого выставить тот или иной состав и т. д. Все политические вопросы, возникающие при проведении соревнований между факультетами, решал прикрепленный к физмату преподаватель Бунякин, которого студенты ласково называли Буня. Здесь надо было не ошибиться в составе команды, заменах и прочее.

Где бы ни устраивались соревнования - болельщики следовали за командами - в Карповский сад, на стадион "Локомотив" и другие. "Забивающими" в женской волейбольной команде физфака были Г.Логвиненко, Т.Маркелова, которым приходилось не сладко в игре против сильной нападающей биофака М.Бережной (Маматюк).

Были на физмате и отличные легкоатлеты - В.Короп, В.Ковалевский, И.Звонкова и другие (см. фото), отличными "гребчихами" были М.Пластик-Капинус, С.Половнева. Спортивный характер Л.Корсунского проявлялся в том, что он постоянно носил с собой портфель с боксерскими перчатками.

Некоторым студентам спорт помогал бороться с хвостами - за них горой стояли спортивные боссы. Другим спорт помогал отлично учиться.

Легкоатлетическая команда физмата
(примерно в 1950 году). Слева направо:
нижний ряд - В.Короп и В.Ковалевский;
средний ряд: х, И.Звонкова,
С.Половнева, М.Крупник;
верхний ряд: х, х, Сокол, С.Духин,
х, Л.Корсунский, х, М.Ломоносов

Э.И.Сизова

Посвящается секции

спортивной гимнастики ХГУ

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ

День за днём уходит всё упрямей

Наш студенческий последний год...

Я хочу сегодня вместе с вами

Заглянуть в грядущее, вперёд.

 Может быть, когда-нибудь, нескоро,

 Через много лет осенним днём

 Мы приедем в наш любимый город,

 По знакомым улицам пройдем,

И внезапно у заветной двери

Станет вдруг отрадно и тепло,

Заспешим, волнуясь и не веря,

Что в разлуке столько лет прошло...

 Помнишь, мы впервые в зал вступили -

 Робкие, смешные новички,

 Помнишь, как на платье прикрепили

 Первые разрядные значки?

Тренировки и соревнования -

Всё, что было, кажется, вчера...

Мы пришли с тобою на свиданье,

Светлая, далёкая пора.

 Мы храним потёртый чемоданчик,

 Маленькой эмблемы красный стяг,

 Всё - как раньше и не так, как раньше:

 Мы и дома, и уже в гостях.

Только это - дружбе не помеха,

Крепко руки старым жмём друзьям

И от всей души хотим успеха

Новым, нас не знавшим новичкам.

 И, как сон, далёкий и наивный,

 С лёгкой грустью вспомним мы не раз

 Всплески марша, лёгкий шаг спортивный,

 Светлый зал, спаявший дружбой нас.

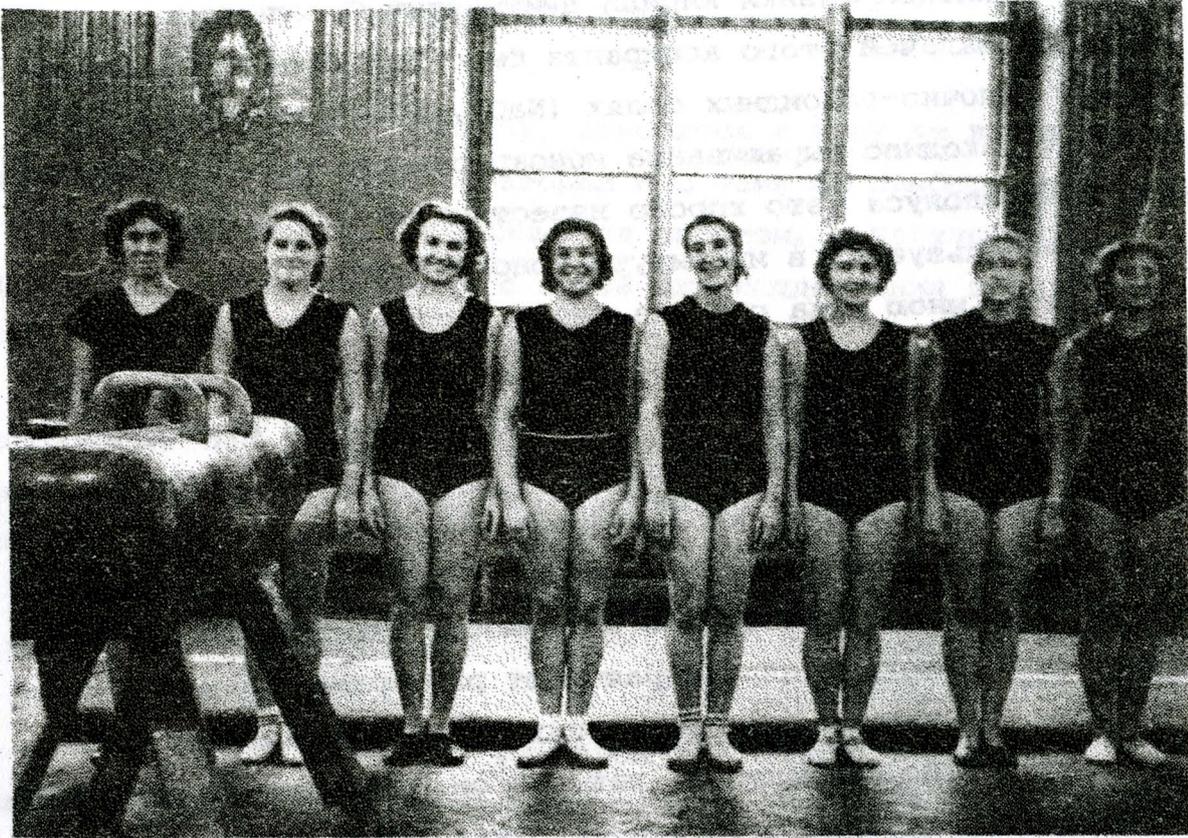
Нет, недаром мы сюда вернулись,

С нашим прошлым встретились не зря -

Два чудесных слова - "спорт" и "юность" -

Светят в сердце, грея и бодря!

1956 г.

Девочки из команды
(примерно 1954 год)

Справа - Дети физмата:

2 - Сутоцкая Зина,

3 - Кулакова Валя,

4 - Клугман Лара

Б.А.Мерисов

Из цикла "Среди аспирантов"

Чертежник

Дело было в середине 50-х. Я работал лаборантом при аспиранте Р., руководителем которого был заведующий кафедрой экспериментальной физики Кирилл Дмитриевич Синельников.

Научной задачей этого аспиранта было изучение электрического пробоя в щелочно-галогидных солях (NaCl, KCl, NaJ и т. д.). В мою задачу входило выращивание монокристаллов этих солей методом Кирополуса (это хорошо известный метод, который и до сих пор используется в институте монокристаллов).

Для этого мною была сделана печь, достаточно мощная, которая грела до 1000 градусов. В печьку вставлялся тигелек с солью. Соль расплавлялась. Это все происходило в атмосфере воздуха. Туда опускалась охлаждаемая кварцевая пробирочка, на запаянном конце которой рос монокристалл. В результате получался слегка гофрированный бочонок, диаметром примерно в два-три сантиметра и высотой в пять-шесть сантиметров. Кстати, сейчас такие монокристаллы выращивают размерами порядка метра.

Однажды эта ценная пробирка лопнула. Аспирант огорчился, но работу нужно было продолжать, так что он вынужден был просить нашего замечательного мастера-стеклодува Егора Васильевича Петушкова изготовить новую пробирку.

Для этого Р. тщательно сделал подробный чертеж, такой, как делают для изготовления изделий из металла: с точным указанием всех размеров, радиусов закруглений и т. п. Все это совершенно не нужно было стеклодуву. Егор Васильевич это отлично понимал и в качестве казуса показал чертеж Кириллу Дмитриевичу, который затем пришел к нам лабораторию для серьезного разговора со своим аспирантом.

Я решил уйти из комнаты, чтобы оставить их наедине, однако К.Д. сказал:

- Оставайтесь. Вам тоже будет полезно послушать.

К.Д. объяснил аспиранту:

- Вы знаете, Р., физик должен уметь делать руками хотя бы кое-что, чтобы не заказывать глупости мастерам.

Потом, когда я говорил об этом случае моим старшим товарищам, эту историю всегда воспринимали как веселый казус и много смеялись. Кстати, Кирилл Дмитриевич в то время часто рассказывал нам о своем пребывании в Кембридже.

Вот это первая история, а теперь – вторая.

Сладкое фиаско

То, что я сейчас расскажу, относится к тому же времени и происходило в той же лаборатории и с теми же приборами.

Я в то время активно занимался спортом, в частности, плаванием, и обычно носил с собой для поддержания энергетики, как теперь говорят, пиленые кусочки сахара.

Как-то мой сосед по комнате Виталий Александрович Перваков, который не был аспирантом Синельникова, заметил, что интересно было бы вырастить монокристалл сахара. То ли в шутку, то ли всерьез он сказал:

– Боря, а давайте вырастим монокристалл сахара!

Идея мне понравилась:

– Ну, давайте.

Я взял кусочки сахара, растолок их, всыпал в тигелечек, включил печку. Сахар должен был расплавиться, кажется, при температуре ниже 100 градусов (я до сих пор не знаю этого точно).

Печь была очень мощная, очень инерционная. Я ее включил и вскоре услышал запах сахарной гари, противный, отвратительный характерный запах. Мы сразу поняли, что произошло что-то не то. Я выключил печку, но она продолжала греть, сахар начал гореть, и из печки повалили страшные черные хлопья. Они заполнили сначала нашу лабораторию, потом проникли в коридор, заполнили наш этаж, а затем дошли и до первого этажа. Все помещения наводнились едким запахом сахарного перегара. Люди в ужасе выскакивали с криками: “Что горит?! Где горит?!”

Вот так мой сосед Виталий Александрович, с которым я потом долгое время работал, подбил меня на неудавшийся эксперимент.

Г.С.Вляшенко

Т С О

Появилось постановление Министерства высшего образования об использовании в учебном процессе в вузах технических средств обучения. Компьютеров тогда еще не было, средств методического обеспечения тоже, а диапроекторы, эпидиаскопы и кинопроекторы имелись.

Первыми на это распоряжение откликнулись военные кафедры. Там дали приказ – и все. Нужно исполнять. И студенты оказались первыми испытуемыми действия этого приказа. Выглядело это следующим образом.

На лекцию приходит полковник К. Он включает эпидиаскоп, достает из портфеля учебник, открывает нужную страницу и помещает в эпидиаскоп. На экране освещенная страница с текстом. Полковник водит пальцем по строчкам и монотонно вслух читает то, что там написано. Студенты вначале слушают, потом каждый начинает заниматься своими делами. Звенит звонок. Объявляется перерыв. Все выходят в коридор.

Перерыв заканчивается. Лекция продолжается. Опять включается эпидиаскоп. И ... на экране только освещенное поле. Книги нет. Во время перерыва студенты пошутили и книгу сперли. Что делать? Как-то доводится до конца второй час. Все расходятся.

Через неделю все повторяется. Проходит первый час. Перерыв. Опять включается эпидиаскоп. Опять книги нет, ее опять сперли и все ждут, что будет дальше. "Гы...", – говорит полковник, лезет в портфель, достает другой учебник, помещает в эпидиаскоп, и лекция продолжается. Приказ выполнен, шутники посрамлены, лекция прочитана.

Это был один из первых примеров (а может, просто первый) применения ТСО. К улучшению успеваемости это, конечно, не привело, но приказ выполнен, об этом можно рапортовать и тратить новые деньги на приобретение и применение технических средств обучения. Потом мода на ТСО временно прошла и о них просто забыли.

И.П.Гребенник

ФрОНТОВИКИ на ФИЗМАТЕ

В послевоенные годы на физмат возвращались ушедшие на фронт студенты. Были и такие, которые поступали впервые (либо повторно). В 1947 году на I курс физмата поступила большая группа вернувшихся бывших фронтовиков. Среди них – Чайковский, Богдан, Аверьянов, Пересада, Розвадовский, Выпирайленко, Титов и другие. Часть из них не осилила физико-математические науки: Е.В.Титов перешел на химфак (который затем успешно закончил и даже был там деканом), Розвадовский получил архитектурную специальность. На лекциях он писал дневник впечатлений о студентах и преподавателях*).

Фронтвики выделялись из общей массы студентов не только одеждой, но и более серьезным отношением к учебе, которая некоторым давалась нелегко. Но поступившие и оставшиеся не отстали от курса и закончили Университет вместе со всеми. Иная судьба была у вернувшегося на II курс в 1945 году В.Чалого. Он окончил Университет только в 1951 году. Не получая стипендию из-за "хвостов", В.Чалый, испытывая затруднения с деньгами, стал еще во время учебы прекрасным лектором общества "Знание". Его лекции о телевидении пользовались спросом у слушателей и приносили ему необходимый доход.

О бывших фронтовиках-студентах, их учебе и жизни была написана молодым харьковским писателем В.Добровольским книга "Трое в серых шинелях". Материал для книги В.Добровольский почерпнул из рассказов своего друга Я.Е.Гегузина.

Фронтвики были опорой администрации физического факультета при проведении общественных мероприятий. Ярким воспоминанием остается первая отправка на с/х работы. Нужно было привести курс к месту работы. Помню, как, прибыв на поезде к месту назначения, студенты в полнейшей темноте глубокой ночью были доставлены руководившими наше передвижение бывшими офицерами к колхозному клубу, где и провели остаток ночи. Возвращались с работы уже при свете дня и не сразу нашли дорогу на железнодорожную станцию.

Впоследствии бывшие фронтвики стали докторами наук, профессорами (Э.Ф.Чайковский, В.И.Пересада, Е.В.Титов).

*) О нем: "Длиной с метровые доски пишет стихи Розвадовский."

В.В.Ульянов

Две книги

Хорошо помню, как в студенческие годы прочитал я две книги о студентах. Одной из них была упомянутая в предыдущем рассказе Ирины Петровны Гребенник повесть Владимира Анатольевича Добровольского "Трое в серых шинелях", вышедшая в 1948 году и тогда же получившая Сталинскую премию.

Вторая книга - повесть Юрия Валентиновича Трифонова "Студенты", которую автор издал в 1950 году и за которую также получил Сталинскую премию.

Обе книги попали ко мне примерно в одно время, когда я учился на физмате. Том самом, о котором писал Добровольский. Автор закончил филологический факультет ХГУ в 1941 году, так что знал условия студенческой жизни в университете, хотя и был весьма далек от физико-математической специфики. Больше писалось об особенностях жизни студентов, вернувшихся к мирной жизни после войны, чем о конкретных делах физмата. Все же что-то знакомое и родное чувствовалось при чтении. Ведь мы учились в те годы в старых помещениях на Университетской улице, где должно было происходить описываемое. Впрочем, автор почему-то ни разу не назвал ни города, ни улиц, ни каких-либо других конкретных мест действия книги.

Гораздо интересней для меня оказалось знакомство с книгой Трифонова. Хотя там описывалась московская жизнь, однако мне Москва уже была знакома, так как я успел на первом курсе провести зимние каникулы начала 1953 года с отцом в столице, так что многое стало мне понятно. Но главное заключалось в другом: лирическая линия, первая любовь героя - именно это было мне тогда особенно близко. Читая эту книгу, я переживал вместе с героем, поскольку сам в это время испытывал свою первую настоящую влюбленность.

И сейчас я хорошо представляю себя сидящим на кровати, поставив вертикально подушку и опершись спиной на нее, при свете настольной лампы, поздно ночью, в полной тишине уснувшей квартиры. Именно в те часы в окно билась зимними порывами метель, а в мое сознание входили сцены летней Москвы, с которой встретился герой после военной разлуки. Вскоре появилась первая героиня, а затем и вторая...

В то время я проглатывал книги обычно безотрывно, до полного прочтения. Вот и тогда, кажется, за одну ночь прострочил весь этот роман, находясь потом несколько дней под жгучим впечатлением. Да и потом, сквозь десятилетия, всегда помнил это замечательное прикосновение к аналогичному, к тому, что тебя самого волновало. Гораздо позже мне пришло осознание того, насколько интересней читать без спешки, смакуя и растягивая удовольствие, окунаясь в чью-то жизнь, особенно созвучную тебе.

С Трифоновым на этом знакомство мое не завершилось. Впоследствии было прочитано многое из им написанного, но глубокий след оставила именно первая его книга, автору которой было 25 лет. Правда, перечитывая ее в более зрелом возрасте, я уже все воспринимал иначе.

Вот такие воспоминания навеяли две книги о студентах. Не помню, были ли еще в ту пору какие-либо другие вещи на эту тему (Добровольский написал в 1950 году "Женю Маслову" в виде продолжения своей первой книги, но главная героиня была аспиранткой). Может быть, потом что-то и выходило, но тогда возник резонанс с моим настоящим, потому и оставили след в душе моей эти простодушные и во многом наивные романы, названные авторами повестями.

И.П.Гребенник

Из цикла "Дипломники"

В 1958 году, сразу после окончания аспирантуры, у меня появились 4 дипломника - Д.Г.Шерман, Л.В.Бессонова, С.В.Рубцова и О.А.С. Если с тремя первыми проводилась обычная работа - помощь в экспериментах, консультации и т. д., то С. была особый случай. В качестве дипломной работы ей была предложена тема: "Теплоемкость бариетового феррита". Предполагалось, что она спрессует соответствующие порошки, проведет процесс спекания и измерит теплоемкость полученных образцов.

Будучи дочерью крупного партийного работника, С. повела себя весьма оригинально. Она иногда появлялась в лаборатории, приносила с собой пачку журналов "Англия", на которые набрасывались другие дипломники. При этом она не проявляла признаков желания что-либо делать. Поскольку время защиты диплома неумолимо приближалось, посоветовавшись с Борисом Яковлевичем Пинесом, я решила выполнить необходимые эксперименты и далее написать даже текст дипломной работы. Защита все же закончилась благополучно - текст она выучила. И даже отвечала на вопросы.

Еще более худший вариант был с дипломницей Ш. На протяжении всей учебы на кафедре никто не слышал ее голоса. На практикумах она, не вставая, сидела непрерывно за столом, ничего не делая, наклонивши низко голову. Не помню, кто был ее руководителем, но помню точно, что ей было организовано отдельное заседание ГЭКа. Осталось не известным, что на нем происходило.

Случаи выполнения работ за дипломников были не единичными. Так, у меня в 1972/73 учебном году был дипломник из Колумбии Гарсон Маркос Тулио. У него были какие-то сложности с женой - она бросила на его попечение родившуюся дочь. И что же? Он нянчил ее, гулял с ней, прохаживаясь с коляской мимо окон университета. Дипломную работу пришлось делать руководителю.

Контрастом ко всем подобным случаям были дипломники из ГДР Ханс и Сибилла Лангхаммеры (муж и жена). Они не только выполнили дипломные работы самостоятельно, с инициативой, но и полностью написали и напечатали (взяв пишущую машинку в прокат) тексты дипломных работ.

И.П.Гребенник

Из цикла "О лекторах и лекциях"

М.Н.Марчевский читал лекции по математическому анализу очень продолжительное время (острословы считали, что с момента открытия Университета). Во всяком случае у меня есть документальное доказательство того, что такие лекции читались М.Н.Марчевским на химфаке ИНО (института народного образования - так тогда назывался Университет) в 1924-27 гг. Поэтому не удивительно, что материал излагался так, что каждый раздел курса заканчивался звенящим звонком. Кстати, ничего не изменилось, когда на II курсе (в 1948 г.) лекторам предложили читать на украинском языке. По-видимому, это случалось и раньше. Но вот когда интервал лекций изменили - удлиннили пары на 10 минут - это привело к затруднениям. К счастью, это нововведение просуществовало не долго.

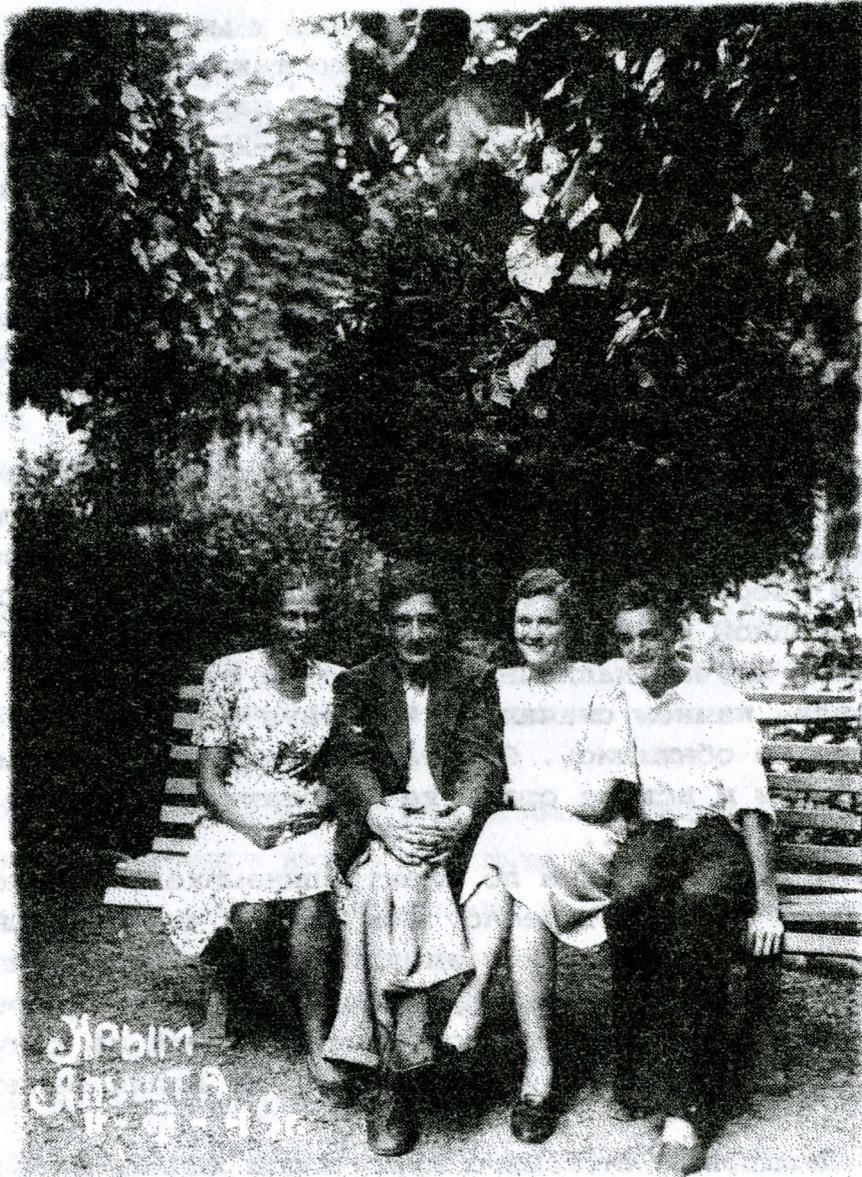
Погорелов А.В. вел у нас практические занятия, но часто на них занимался выводами нового материала. Видно было, что готовиться к этому у него не было желания. Часто, исписав всю доску выводом очередной формулы, он садился на подоконник (это происходило в одной из небольших аудиторий старого химического корпуса), долго изучал написанное, а затем восклицал: "Зачеркните все, начнем сначала!" Чувствуя его гениальность мы за это на него не обижались. Он становился у нас на глазах великим геометром и вскоре стал уже лауреатом Госпремии СССР, профессором, академиком...

Ахиезер А.И. читал лекции по электродинамике с блеском, слушать его было очень интересно, тем более, что сложный материал он разбавлял шутками и анекдотами. Не помню, из какой формулы вытекало, что солнце - красное, а небо - голубое, в связи с чем нужно было оценить количество чертей на кончике иголки и т. д. Многие, наряду с лекциями, на полях записывали анекдоты.

Кстати, у Давыдова, читавшего курс общей химии, на записи анекдотов у студентов уходило еще больше места.

Л.С.Гулида был очень добрым преподавателем. Когда к нему на экзамен студенты приходили с пустыми руками, он интересовался тем, как же они будут ему сдавать? Еще, кажется, он говорил "приизводная".

Александр Яковлевич Повзнер был гроза морей. На экзаменах он свирепствовал, был источником "хвостов". А в жизни он страдал от астмы. Случайно в 1949 году в "Профессорском уголке" (Алушта) отдыхали трое студентов физмата и А.Я. Несмотря на климат, он чувствовал себя не очень хорошо. Как-то раз решили сфотографироваться четвером. Заказ был оформлен как "Два парня и две девушки". Это были - А.Я., Эрик Вольфовский, Клава Богданова и я. Фото сохранилось.

"Два парня и две девушки":

Ира Гребенник, Александр Яковлевич

Повзнер, Клава Богданова и Эрик

Вольфовский в Алуште (1949 год)

Краткие сведения об авторах этой и предыдущих частей сборника "Легенды и были старого физмата"

Агафонова Нина Филипповна - выпускница 1968 года, работает на кафедре экспериментальной физики.

Бляшенко Глеб Степанович - выпускник 1957 года, работает на кафедре экспериментальной физики.

Валиев Борис Михайлович - выпускник 1979 года, работает на кафедре экспериментальной физики.

Гапон Эльвира Васильевна - выпускница 1961 года, работает на кафедре экспериментальной физики.

Гребенник Ирина Петровна - выпускница 1952 года, работала на кафедре физики твердого тела.

Дзюба Александр Сергеевич - выпускник 1957 года, работал на кафедре физики кристаллов.

Иванов Иван Георгиевич - выпускник 1957 года, работает на кафедре физики твердого тела.

Козинец Владимир Васильевич - выпускник 1958 года, работает на кафедре физики низких температур.

Кондратьев Борис Викторович - выпускник 1955 года, работает на кафедре высшей математики.

Мерисов Борис Александрович - поступил на физмат в 1950 году, работает на кафедре физики низких температур.

Николаев Георгий Трофимович - предвоенный выпускник Ростовского университета, работал в УФТИ.

Перваков Виталий Александрович - выпускник 1951 года, работал на кафедре физики низких температур.

Сизова Зинаида Ивановна - выпускница 1956 года, работает на кафедре общей физики.

Ульянов Владимир Владимирович - выпускник 1957 года, работает на кафедре теоретической физики.

Хижковый Василий Петрович - выпускник 1961 года, работает на кафедре экспериментальной физики.

Чебанова Татьяна Сергеевна - выпускница 1954 года, работала на кафедре теоретической физики.

Шарапов Анатолий Иванович - выпускник 1957 года, работает на кафедре экспериментальной физики.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие.	3
Б.М.Валиев. Финт. Из цикла "Сессионные приключения".	4
Б.М.Валиев. Шаман.	5
И.П.Гребенник. Спорт на физмате.	6
З.И.Сизова. Воспоминание о будущем	8
Б.А.Мерисов. Из цикла "Среди аспирантов"	10
Г.С.Блященко. Т С О.	12
И.П.Гребенник. Фронтвики на физмате	13
В.В.Ульянов. Две книги	14
И.П.Гребенник. Из цикла "Дипломники"	16
И.П.Гребенник. Из цикла "О лекторах и лекциях"	17
Краткие сведения об авторах.	19

Ювілейне видання

Гліб Степанович Бляшенко
Борис Михайлович Валійов
Ірина Петрівна Гребенник
Борис Олександрович Мерісов
Зінаїда Іванівна Сизова
Володимир Володимирович Ульянов

ЛЕГЕНДИ ТА БУВАЛЬЩИНИ СТАРОГО ФІЗМАТУ
ЗБІРКА РОЗПОВІДЕЙ
Частина п'ята

Відповідальний за випуск О.М.Єрмолаєв

Підп. до друку Формат 60x84 1/16. Папір офсетний
Друк ризографічний. Ум. друк. арк. Обл.-вид. арк.
Тираж 25 прим. Ціна договірна

ХНУ, 61077 Харків, пл. Свободи, 4.
Видавничий центр

